

Алексей Иванович Соболевский. Русский народ как этнографическое целое

Взгляните на этнографическую карту Европейской России, составленную Риттихом еще в 1875 году и теперь уже порядочно устаревшую, -- и посмотрите, какое огромное пространство занимает в Европе русский народ. Большой этнографической карты Азиатской России, сколько-нибудь близкой к нашему времени, мы -- к сожалению -- не имеем. И потому попробуем ограничиться недавно изданной крохотной картой Пештича. Из нее мы увидим, что русским народом и в Азии занято огромное пространство. Сопоставляя данные половины XIX века и данные всеобщей переписи 1897 года, мы можем видеть, как быстро распространяется русский народ по территории Русского государства. Вот Европейская Россия. Здесь русский народ все шире и шире распространяется в Уральской области и Оренбургской губернии, за счет башкир и киргиз. Почти вся степная часть Крыма принадлежит уже ему; он -- хозяин в новой Черноморской губернии, по восточному берегу Черного моря. Он "идет вперед в Виленской губернии, за счет соседнего литовского народа".

Перейдем в Азию. Здесь -- что, впрочем, вполне естественно -- русский народ делает еще более значительные приобретения. Куда бы мы ни взглянули в пределах русского государства, везде оказываются новые русские поселения, начиная с Киргизской степи и Туркестана и кончая Амурской и Приморской областями. Кое-где русский народ перевалил уже за Алтай, в недавно переданные России от Китая земли. Как быстро двигается он вперед, вы можете судить хотя бы по данным о Туркестане. Первый русский поселок в Сыр-Дарьинской области возник в 1867 году, второй в 1874 году. К 1 января 1903 г. русских

поселков в этой области было уже 58. Первый русский поселок в Самаркандской области появился в 1885 году; первый русский поселок в Ферганской области -- в 1893 году. К 1 января 1903 года русских поселков в первой из названных областей было уже 10, а во второй 7. Всего русского населения в Туркестане к началу 1903 г. было тридцать тысяч обоего пола.

Пустынные и лесные пространства внутренней Сибири, тайга, урманы быстро наполняются русским населением -- как сибиряками-старожилами, так и переселенцами-новоселами. Движение этого населения происходит с значительной поспешностью. "В Балаганском уезде Иркутской губернии, -- пишет местный обыватель в 1906 году, -- происходит перераспределение населения по территории уезда. Старожилы сдвигаются с насиженных мест и выезжают на новые... Целые деревеньки здесь пустеют. Дома стоят заколоченные или вместо них зияют пустыри: строения проданы на сторону... Идет колонизация тайги... Там, буквально "на пне и колоде", как живописно выражались в старых юридических актах, вырастают новые деревни". Особенно резко замечается это движение вперед, это искание свободных земель в густонаселенных уже районах Сибири, каковыми являются южные окраины Алтайского округа, Бийский уезд...

Любовь к простору и свободе в области хозяйственной жизни породила выселение старожилого населения из родных сел в горы, на земли, принадлежащие Кабинету Его Величества (Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 176 (из "Сибирской жизни").

Однородные вести идут и из Западной, и из Восточной Сибири. Сибиряки-старожилы, привыкшие к местным условиям, идут на новые места, в глубину девственного леса, уступая свои усадьбы и роспаши, даром или за плату, новым пришельцам.

Сопоставляя современные данные о расширении территории русского народа с данными исторических свидетельств, мы видим, что нынешнее расширение находится в самой тесной связи с расширением старого времени, с тем расширением, которое началось с половины XVI века, после взятия Казани и Астрахани, и с той поры идет непрерывно, то усиливаясь, то уменьшаясь, то более ярко, то малозаметно.

Естественный прирост русского народа определяется специалистами статистиками в полтора процента ежегодно. Иными

словами, ежегодно на 1000 человек умерших приходится 1015 рожденных. Но сверх этого русский народ быстро увеличивается в своей численности вследствие обрусения разных инородцев.

Даже наиболее культурные инородцы России, поляки и немцы, дают значительное число лиц, уступающих влиянию русской среды и постепенно, незаметно для себя, оставляющих свою народность ради русской народности. Это те офицеры, чиновники, ремесленники, купцы, которые в силу разнообразных обстоятельств поселяются среди русских и теряют связь с родными местами. Число их невозможно учесть, но находящиеся среди нас русские с польскими и немецкими фамилиями, еще сохраняющие память о своих отцах и дедах-поляках и немцах, являются живым доказательством факта обрусения.

Что же до инородцев малокультурных, то здесь обрусение идет быстрыми шагами.

Разбросанные среди русских в Поволжье инородцы-финны не только не противятся обрусению, но, сознательно или бессознательно, сами идут ему навстречу. Везде, где пермяк или мордвин встречает русского, он старается ему подражать в одежде и быте, перенимает от него песни, повторяет за ним русские слова и при каждом удобном случае выдает себя за русского. Быть как можно больше похожим на русского -- вот идеал инородца. Деревни со смешанным населением -- русским и финским -- одна за другой делаются русскими. Инородческие острова, находясь между русскими поселениями, один за другим исчезают, и теперь, например, в нескольких местах Поволжья так называемая "русская мордва", то есть обрусевшее потомство недавней мордвы, только недоумевает, почему ее называют мордвою, когда она ничего общего с настоящей мордвой не имеет. Но и финские массы Поволжья держатся уже плохо. Лучше других сохраняет свою народность черемиса. Но и на нее вырубка лесов, устройство поблизости заводов и фабрик, проведение железной дороги (не говоря уже о воинской повинности) действуют сильно. О мордве, пермяках, вотяках нечего и говорить. Вероятно, пройдет еще немного времени, и эти народности исчезнут с этнографической карты России.

Поддаются обрусению и народы Севера -- зыряне и остяки. "Все то молодое поколение деревень, -- говорит один недавний наблюдатель о наиболее отдаленных от русского центра зырянах ижемцах, -- которое прошло через русские школы, уже свободно и понимает, и

говорит по-русски", то есть находится на пути к обрусению. О более близких к русским поселениям зырянах и остяках нечего и говорить. Я только упоминаю о когда-то многочисленных вогулах; они уже почти не существуют: одни вымерли, другие обрусели.

Из сибирских инородцев многочисленные тунгусы с необыкновенной быстротой подчиняются обрусению, и уже большое их число (до 50 процентов) считают себя русскими. Армакские тунгусы, между озером Байкал и рекой Джидой (Забайкальской области, Селенгинского уезда), говорит местный наблюдатель, называют себя "русскими" и "православными" и одинаково владеют тунгусским и русским языком.

Только инородцы магометане и буддисты держатся крепко, поддерживаемые религией. Татары Поволжья и Северного Кавказа, башкиры, киргизы, калмыки, буряты, тем более высококультурные сарты Туркестана сохраняют свою народность. Но из киргиз те, которые приняли христианство, превратились уже в русских и хотя и говорят еще, может быть, лучше по-киргизски, чем по-русски, но называют себя русскими.

Посмотрим на числа и на процентные отношения, как они представляются нам не по данным переписи 1897 года, а по данным более свежим, за 1904 год. Мы помним, что цифры для числа этнографических единиц здесь, как и везде, не могут отличаться точностью (об этом подробнее после), но считаем несомненным, что общее впечатление от них будет у нас верное. По этим данным, к 1 января 1905 года население России состоит из 143'980'000 жителей обоого пола, без Финляндии, и из 146'797'000 с Финляндией. Из них с лишком 10 миллионов живет на Кавказе, с лишком шесть с половиной миллионов -- в Сибири и с лишком восемь с половиной миллионов -- в Средней Азии.

Русский народ состоит более чем из 96 миллионов человек и составляет 65,5 % всего населения Русского государства. В Европейской России процент русских равен 80, в Западной Сибири -- с лишком 88,5 %, в Восточной Сибири -- почти 54 %.

Из других народов Русского государства самым сильным оказываются поляки, состоящие из 9 с лишком миллионов и живущие, главным образом, сплошной массой в Царстве Польском. Поляки, только они одни, оказывают ассимиляционное влияние на русский народ и

ополячивают его западные части -- в Холмской Руси и на западной границе Гродненской губернии; но здесь им очень сильно помогает католичество.

Что до других народов, то они не имеют или численности, или сплоченности, или однообразия, чтобы иметь большое значение. Тюрко-татарские племена в общей сложности многочисленны: их свыше 15.5 миллиона; но они состоят из татар, башкир, киргиз, сартов, якутов и т. д., а татары, в свою очередь, по месту своего обитания делятся на татар приволжских, татар оренбургских, татар Северного Кавказа, татар закавказских, татар крымских и т. д., с дальнейшими подразделениями, и имеют друг от друга крупные отличия и в языке, и в культуре, и в быте.

Финские племена также относительно многочисленны: их более 6.5 миллиона. Но в финской группе находятся финны Финляндии, корелы, эсты, зыряне, вотяки, пермяки, черемиса, мордва и др.

Кроме собственно финнов, корел и эстов, составляющих одну родственную группу со сходными, хотя и далеко не тождественными языками, относящимися друг к другу приблизительно так, как относятся друг к другу славянские языки, и с одинаковой приблизительно культурой, остальные финские народы резко отличаются от этой группы и друг от друга языком. Различие между языком собственно-финским и языком мордовским можно уподобить различию между славянской группой языков и языком литовским; а различие, например, между языком собственно-финским и остяцким близко к различию между славянскими языками и санскритским. Сверх того, в пределах одного и того же племени говоры резко отличаются один от другого -- например, одни черемисы не понимают других и при встрече, чтобы понимать друг друга, пользуются русским языком.

Чтобы вернее оценить процентное отношение русского народа к другим народам русского государства, необходимо принять во внимание территориальное положение этих других народов. В то время как русские представляют сплошную массу в главной части русской территории, инородцы живут сплошными массами только на ее окраинах, а в других местах представляют из себя мелкие или крупные острова среди русского населения.

И что особенно важно: в то время, как инородцы в мелких островах ассимилируются и подвергаются обрусению (мордва, чуваша, пермяки и т. д.), -- инородцы в крупных островах уменьшаются в числе и приближаются к вымиранию. К этой второй группе инородцев принадлежат почти все кочевники Европейской России, Северного Кавказа и Западной Сибири; несомненно вымирание уже происходит у башкир и ногайцев; по-видимому, оно действует и у калмыков астраханских и ставропольских, и у киргиз. Явление известное везде, где кочевники сталкиваются с современной культурой.

Любопытное явление представляют русские немцы. Немцев в России находится два миллиона триста тысяч, сильных и по своей культурности, и по своему немецкому патриотизму. Большая часть их разбросана по многочисленным немецким колониям Волыни, Новороссии, Поволжья, Северного Кавказа, даже Юго-Западной Сибири и Туркестана; здесь они в общем еще вполне сохраняют народность. По естественному порядку вещей и они везде (кроме разве Волыни) обречены на обрусение. Что же до меньшей части, живущей в городах и замках трех губерний Прибалтийского края и в этнографическом отношении наиболее важной, то эти немцы сильно уменьшаются в числе. По немецким данным, которые никак не могут быть заподозрены, -- с 1881 года по 1897 год число немцев понизилось: в Лифляндской губернии с почти 113.5 тысячи (9.7 % населения губернии) до 78.5 тысячи и в Эстляндской с почти 22 тысяч (5.8 %) до 16 тысяч (39 %). В Курляндской губернии число немцев увеличилось -- с почти 50 тысяч до 51 тысячи, но процентное отношение их к остальному населению губернии уменьшилось с 8,7 % до 7,6 %.

Обратимся к самому русскому народу. В огромной части своей территории русский народ не дает себе никакого названия. Местами, живя в Полесье, русский человек называет себя полешуком (на Волыни) или полехой (в Калужской губернии); местами, если в его среде распространены два христианских исповедания, он себя характеризует названиями: православный и католик (в Белоруссии). Гораздо чаще бывает, что какая-нибудь часть русского населения известна у своих соседей под каким-нибудь прозвищем (которым она сама совсем не пользуется и на которое часто обижается). Так, между

великорусами южных губерний известны ягуны и когуны, потому что они формы его и кого (род.-вин. падежа) произносят с г, тогда как их соседи произносят эти формы с в; между великорусами и белорусами средних губерний известны цокалки и цвякуны, потому что они цокают, то есть употребляют ц вместо ч. Сверх того, между великорусами указывают талагаев, цуканов, саянов и горюнов, а между малорусами -- буцов и райков; но эти никому не понятные названия не обозначают каких-нибудь обособленных в этнографическом отношении групп населения.

Гораздо большее употребление имеют другие три названия. Великорусы называют малорусов хохлами, а малорусы великорусов кацапами (то есть козлами) смеясь над внешними особенностями друг друга (в старое время). Малорусы же называют белорусов литвинами, потому что белорусы рано вошли в состав Литвы, или Литовско-русского государства. Но все-таки наиболее значительным распространением пользуется имя русский. Оно всего чаще употребляется, конечно, в тех местах, где русское население соседит с инородческим и где иметь племенное название для каждого почти что необходимо. Но надо заметить, что русский народ нигде не называет себя великорусами, малорусами или белорусами; эти этнографические названия принадлежат науке и употребляются только образованными людьми.

Наука делит весь стомиллионный русский народ всего на три группы -- великорусов, белорусов и малорусов. Из этих групп только одна может быть разделена на две крупные подгруппы, именно малорусы, которые распадаются на малорусов южных, степняков или украинцев, и на малорусов северных, жителей лесных пространств. Дальнейшие подразделения русского народа будут уже или произвольны, или недостаточно характерны. Не думайте, чтоб разница между великорусами и белорусами, между белорусами и малорусами, между великорусами и малорусами была сколько-нибудь значительна.

Нет, наука не знает определенных границ между великорусами и белорусами и между белорусами и малорусами. Они указываются ею лишь условно, на основании тех или других отдельных признаков, и, конечно, разные ученые, опираясь на разные данные, определяют их различно. В действительности ничего похожего на то, что мы называем границей, не существует, а есть более или менее широкий пояс, где

население по своим особенностям (языку, быту и пр.) представляет постепенный, малозаметный переход от великорусов к белорусам и от белорусов к малорусам. Таким поясом между великорусами и белорусами служат южная часть Псковской губернии и северная Витебской, почти вся Смоленская губерния, западные полосы Калужской и Орловской губерний и восточная часть Могилевской. Здесь ничего характерного. Если одни признаки -- вполне великорусские, то другие -- вполне белорусские; если резче великорусские, то население считается великорусским; если наоборот, мы видим в населении белорусов.

Пояс между белорусами и малорусами идет по так называемому Полесью -- по Гродненской, Минской, Могилевской губерниям с одной стороны и по Волынской и Киевской с другой; он в одних местах шире, в других уже, но в общем довольно значителен. И здесь ничего характерного: рядом черты белорусские и малорусские, и по количеству тех и других мы решаем вопрос о принадлежности населения к белорусам или к малорусам.

Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те и другие -- поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обыкновенно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою.

Определение численности каждой из трех групп русского народа, сколько-нибудь точное, вполне невозможно. Все цифры, которые мы имеем, не внушают к себе ни малейшего доверия.

Само население, неинтеллигентное, особенно в переходных поясах, о которых я только что говорил, не в состоянии сколько-нибудь сознательно определить свою принадлежность к той или другой группе; попробуйте спросить жителя Смоленской губернии, кто он, великорус или белорус, каким наречием он говорит, великорусским или белорусским; будьте уверены, он не поймет даже вашего вопроса.

Что касается до интеллигенции, то она определяет себя этнографически вовсе не по тому, что она на самом деле есть, а по тому, что она о себе думает. Таким образом, большое число самых обыкновенных великорусов, живущих в Москве, Петербурге, Рязани,

Нижнем и т. д., считает себя малорусами только на том основании, что они -- малорусского происхождения. Многие из них не умеют произнести правильно двух слов по-малорусски. Таких мнимых малорусов значится по переписи 1897 г. (Менделеев, "К познанию России") в Петербургской губернии 7600 человек, в Московской 5600, в Рязанской 1800 и т. д.

Само собою разумеется, при подсчете великорусов, белорусов и малорусов мы должны увеличить цифру великорусов и, напротив, того, уменьшить цифры белорусов и малорусов.

Взгляните еще раз на этнографическую карту Риттиха, на окрашенную розовым цветом великорусскую территорию Европейской России. Вы видите, что эта территория соприкасается с территорией Азиатской России, с той территорией, куда уже давно направляется русская колонизация. Великорусы, переходя из Европы в Азию, встречаются там также с великорусами и попадают в свою этнографическую среду.

Иное дело -- белорусы и малорусы, вышедшие из пределов своих областей -- из белорусских и малорусских губерний. Малорусские колонии, старые и новые, рассыпаны по всему Поволжью. Малорусов (по переписи 1897 г.) считается в Астраханской губернии 133 тысячи, в Саратовской 149 тысяч, в Самарской 119 тысяч; их считается немало и в других поздно заселенных местностях Европейской России: в Ставропольской губернии 320.5 тысячи, в Оренбургской 41.5 тысячи, в Уфимской 5 тысяч. То же в разных областях Сибири и Туркестана: 99 тысяч в Томской губернии, 37 в Тобольской, 51 в Акмолинской области, 18,5 в Семиреченской, почти 13 в Сыр-Дарьинской, везде при громадном численном перевесе великорусов, составляющих главное население. Так, в Семиреченской области 13 тысяч малорусов живут среди 77 тысяч великорусов.

Относительно редки случаи, где бы малорусы жили на новых местах сплоченными массами. Обыкновенно или их поселения, вполне малорусские, находятся среди великорусского населения, или же малорусы живут в одном поселке с великорусами.

Чтобы вы могли представить себе один из многих новых поселков, я приведу вам данные относительно поселка Петровского в степной части Сибири, в Петропавловском уезде. В нем в 1890 г. было 158 семейств, в том числе из 8 семейств из Воронежской губернии, 2-х

из Казанской, 6 из Курской, 2 из Минской, 9 из Орловской, 14 из Оренбургской, 2 из Полтавской, 1 из Пензенской, 32 из Пермской, 3 из Рязанской, 38 из Самарской, 3 из Тамбовской, 16 из Тобольской, 1 из Харьковской, 19 из Черниговской и 2 из Донской области. Здесь полтавские и черниговские малорусы потонули среди великорусов. "Такая пестрота населения, -- заявляет местный исследователь, -- наблюдается почти повсеместно в Сибири". Мы можем сказать: и в некоторых местностях Европейской России, каковы особенно губернии Астраханская, Ставропольская и Уфимская.

То, что сказано мною о малорусах, может быть повторено о белорусах, хотя они гораздо меньше заметны.

Малорусы держатся крепко за свой язык и свои бытовые особенности. Столетие близкого соседства малорусов с великорусами не превратило их в великорусов; полной ассимиляции не последовало, но начало ей положено.

Как ни много еще малорусского у астраханских, саратовских, ставропольских, сибирских малорусов, но судьба их ясна: процесс ассимиляции не может остановиться и не может идти в их пользу. Даже там, где сплошная масса малорусов соприкасается с великорусами, -- ассимиляция наклоняется в пользу великорусов. Так, в Воронежской губернии даже малорусы-патриоты указывают на такое направление ассимиляции.

Но все-таки малорусы пока держатся крепко. Причина медленности в ассимиляции заключается не столько в различии языка, сколько в различии особенностей быта и обряда. Крестьянин-малорус не выдаст дочери за своего соседа, крестьянина-великоруса, только потому, что при этом свадьба должна быть совершена не по дедовскому малорусскому обряду, а по другому, великорусскому: "свои будут смеяться".

Что до языка, то здесь мы перед разными мнениями. Одни знатоки говорят, что малорус вовсе не понимает великоруса и наоборот, что малорусский и великорусский языки -- два разных славянских языка; другие настаивают на значительной близости этих двух языков и называют их только наречиями русского языка. Но не входя в подробности -- здесь огромное значение имеют политические убеждения говорящих, -- я приведу только свидетельство из источника вне политики -- из сообщения в Московском педагогическом обществе:

"В Полтавской губернии оказалось, что русский (то есть великорусский) рассказ, хорошо и выразительно прочитанный, был вполне усвоен малорусами".

К сказанному должно прибавить несколько слов о так называемом украинофильстве, об учении, что малорусы -- совершенно особый народ в сравнении с великорусами, что они томятся под игом неприятных для них великорусов, что они хотят быть политически-самостоятельными, что им необходима литература на малорусском языке и т. п. Данные новейшего "освободительного движения" показывают, что украинофильство свойственно только левым партиям и что умеренное большинство, и прежде всего наиболее заинтересованное здесь крестьянство, никакого украинофильства не знает: оно считает себя за один русский народ с великорусами и стоит за полное государственное единство России. Украинофилы теперь уже сознаются, что на малорусские газеты нет подписчиков, а на малорусские книги -- покупателей.

Все только что сказанное мной о малорусах может быть отнесено и к белорусам. И они в своих колониях держатся еще крепко за свой язык и обычаи. Но их язык еще ближе к великорусскому, чем малорусский; их обычаи часто почти совпадают с великорусскими. Местного белорусского патриотизма мало, и он даже среди белорусской интеллигенции не играет роли; его знают только, кажется, белорусские поляки или местные люди католического вероисповедания, более польской национальности, чем русской, скорее враги русского народа, чем друзья.

Посмотрим на самих великорусов. По переписи 1897 года их считается 55.5 миллиона, против 22.5 миллиона малорусов и 6 миллионов белорусов. Я сказал уже, что в сущности великорусов больше, чем значится, и что из малорусов и белорусов порядочное число не знает, кто они такие, малорусы или белорусы, белорусы или великорусы.

Огромное великорусское племя представляется поразительно однообразным. Даже типы на огромном пространстве великорусской территории одни и те же. Весь русский народ есть смешанный народ, как все народы Европы; одного русского типа нет; но самое разнообразие типов однородно у всех великорусов. Только на окраинах, по преимуществу в Сибири, вы встречаете значительное

число русских с инородческими типами. Это бывшие инородцы -- киргизы, буряты, тунгусы. В других местах есть только острова с особыми типами, например, в Костромской губернии, где обрусела часть местной черемисы (а другая часть, остаток, еще сохраняет свою народность), или около Романова-Борисоглебска, где когда-то были поселены служилые татары, потом принявшие христианство и обрусевшие.

Когда вы находитесь в толпе великорусов на ярмарке, в монастыре во время стечения народа и т. п., вы не в состоянии по типам сказать: это рязанец, а это вологжанин, а это астраханец. Иначе говоря, местных великорусских (как и вообще местных русских) типов нет.

Но главное для народности -- язык. Великорусское наречие делится на ряд говоров, которые могут быть сведены в две группы: окающую и акающую. Те великорусы, которые окают, говорят почти совсем так, как мы пишем, то есть произносят "о" без ударения: хорошо, вода и т. п., как "о". А великорусы акающие вместо этого о произносят а или какой другой звук. Представитель акающей группы, московский говор, тот, которым мы говорим, есть язык всей русской интеллигенции, не только по происхождению великорусской, но и малорусской, и белорусской. За интеллигенцией везде идет многочисленная полуинтеллигенция и смешанная народная масса больших городов и центров; как на великорусской, так на малорусской территории московский говор в вульгарной своей форме, часто с примесью особенностей местных говоров, имеет среди этих людей очень широкое распространение.

Наконец, московский говор лежит в основании языка нашей литературы и деловой письменности. Он преподается в школе; он употребляется в войске; его вся Россия слышит со сцены русского театра. Ему понемногу подчиняются другие русские говоры.

И здесь происходит своеобразная ассимиляция или просто замена местных говоров московским.

Целые уезды окающей Костромской губернии, где живут работающие в Москве и больших городах России маляры и каменщики, говорят уже по-московски. Еще недавно по всей России вы слышали окающую речь плотников из Владимирской губернии; теперь младшее их поколение говорит также по-московски. Другие

говоры теряют или уже потеряли наиболее характерные свои черты (цоканье и т. п.); не редкость, что в селе младшее поколение говорит иначе, чем старшее, -- без наиболее резких особенностей. Вообще, область московского говора все более и более расширяется. Но если бы даже говоры великорусского населения и сохранялись во всей полноте их черт, они не могли бы играть никакой важной роли. Великорус из-под Архангельска со своим говором может свободно добраться до Астрахани или Владикавказа; проходя через великорусское население, он везде бы всех понимал и был бы сам вполне понимаем; можно сказать, придя под Астрахань, он не обратил бы особого внимания на себя со стороны местных людей.

Точно так же великорус из-под Смоленска может прийти до Владивостока, чуть не через всю ширину Русского государства, совсем не замечая, что идет десятки тысяч верст и везде чувствуя себя среди своих.

То же, что о говорах, можно сказать и о быте. Костюм, орудия, пища -- все это почти одно и то же у всех великорусов. Еще недавно было некоторое разнообразие в костюме, и по головному убору деревенской женщины можно было сказать, из какой стороны России она родом. Но новые моды все теснят и теснят старину и подгоняют все под одно до такой степени, что крестьянин из-под Архангельска окажется одетым достаточно по моде, когда дойдет до Астрахани, а крестьянка из-под Смоленска никого не удивит своим нарядом в Иркутске.

Исконная близость русских говоров и быта имеет, конечно, свое значение. Но особенно важна та быстрота распространения русского племени, о которой я уже говорил.

Давно ли великорусское племя на юге имело границу под самой Тулой и Рязанью? Только с конца XVI века, после покорения Казани и Астрахани, оно двинулось на юг и восток и заняло огромные пространства среднерусской степи, Поволжья и Сибири. Ведь еще недавно там, где теперь уже тесно, была пустыня. Ведь Самарская, Уфимская, Ставропольская губернии заселились чуть не на нашей памяти. Другие места заселяются теперь, на наших глазах. При таком позднем заселении, при движении на новые места чуть не со всех концов России нельзя даже ожидать сколько-нибудь значительного разнообразия в великорусском населении нашего государства.

Школа, воинская повинность, отхожие промыслы, заводы и фабрики, железные дороги также делают свое дело, и великорусское племя в недалеком будущем явится перед миром в виде 100-миллионного однообразного этнографического целого.

Если мы сравним русский народ в нынешнем его состоянии с другими народами Европы, мы будем поражены его однообразием. Немцы, например, в разных местах немецкой территории (в Германии, Австрии и Швейцарии), несмотря на все усилия превосходной немецкой школы, остаются при своих говорах, и немец из-под Гамбурга не понимает немца из Вестфалии, а немец из Вестфалии не понимает немца под Цюрихом или под Веной. То же можно сказать об испанцах и итальянцах, несмотря на то, что размеры испанской и итальянской территории не идут ни в какое сравнение с размерами территории русской.

Только Соединенные Штаты в недалеком будущем будут сходны с Россией. Там, после завершения начавшейся ассимиляции переселенцев -- немцев, ирландцев, итальянцев, литовцев и других, с местными и переселившимися в последнее время англосаксами, должна получиться огромная однообразная масса, с одним и тем же языком на громадном пространстве, с одними и теми же особенностями быта.

Источник текста: Русский народ, как этнографическое целое / Акад. А.И. Соболевский. -- Харьков: типография журнала "Мирный труд", 1907. -- 19 с.; 23 см.